

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ**

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Зав.кафедрой

Философии религии и религиоведения

_____ д.ф.н., проф. М.М. Шахнович

Председатель ГАК

заведующая отд. ГМИР

_____ д. ист. н. Н.В. Ревуненкова

**Выпускная квалификационная работа на тему:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О САКРАЛЬНОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В
РОССИИ**

Направление 033300 – Религиоведение

Рецензент:

к.ф.н., доц. Е.А. Овчинникова

_____ (подпись)

Выполнил студент:

Поливанов Федор Олегович

_____ (подпись)

Научный руководитель:

д.ф.н., проф. Т.В. Чумакова

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Допетровский период развития представлений о сакральности царской власти в России.	9
Глава 2. Развитие представлений о сакральности царской власти в России в XVIII – нач. XXI вв.	17
2.1 Пётр Первый и сакрализация власти.....	17
2.2 Пётр Первый в представлениях старообрядцев и фольклоре.....	23
2.3 Святой Павел I и старец Фёдор Кузьмич.....	27
2.4. Феномен сакрализации царской власти в современной России.....	34
Глава 3. Феномен самозванчества и его связь с представлениями о сакральном характере царской власти в России	40
Заключение	53
Список литературы	55
Список источников	59

Введение

В 1881 году Федор Михайлович Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «отношение русского народа к царю своему есть самый особый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключил бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере, еще долго, очень долго оно не изменится». Достоевский был прав, русский народ всегда особенно относился к своему царю, восприятие верховной власти традиционно было окрашено в мистические тона. Русский царь часто провозглашался «святым» или «антихристом». Это особенное отношение, связанное с сакральными ценностями сохраняется, в определенной части общества, и по сей день. Даже сегодня существуют люди, объявляющие всех русских монархов святыми, а монархию единственно возможным общественным строем. Религия и политика в русском государстве тесно переплетались, благодаря православию, воспринятому из Византии, перенимались и византийские концепции власти, трансформируясь на русской почве. Еще во времена Ивана Грозного была усвоена византийская идея, согласно которой земная монархия повторяет образ монархии небесной. Царь земной в соответствии с этими представлениями должен был отвечать за свой народ перед Царем небесным. Божественный источник царской власти становился основой ее легитимации. Царская власть объявлялась властью, дарованной Богом. Сакрализация правителя сохранялась на протяжении всего монархического периода истории России. Тем не менее, каждый новый монарх заново утверждал сакральный характер своей власти, используя придворные и церковные ритуалы, изображения и символы, а церковные писатели теологически обосновывали царскую харизму и

божественное право в соответствии с актуальной политической повесткой. И в фольклоре царь также становился фигурой сверхъестественной, его царское происхождение отличало его от всех людей, именно поэтому самозванцы почти всегда демонстрировали особые «царские отметки» на теле. Веру в то, что истинный царь, непременно добрый по отношению к народу правитель и желающий ему блага, принято называть народным или наивным монархизмом. Суть таких взглядов точно описывается поговоркой «царь хочет, бояре сопротивляются»¹. Трудно представить, чтобы у крестьян семнадцатого века могли быть представления о каком-то ином политическом строе, тем не менее, вера в доброго царя сохранялась, не смотря ни на какие внешние катаклизмы, часто бывало, что фигура царя даже в самых тяжелых условиях воспринималась положительной. Царь воспринимался как справедливый правитель, стоящий над всеми классами общества, даже если его действия не совпадали с интересами простого народа. Наивный монархизм проявляется в фольклоре, сказаниях или легендах, слухах и былинах, песнях и стихах, но также народный монархизм поднимал крестьян на восстания и бунты

Актуальность и степень исследования проблемы.

Несмотря на то, что проблема сакрализации власти в России в достаточной степени изучена, исследовано становление сакрализации правителя и исторические предпосылки формирования этого процесса, остаются малоисследованы отдельные ее аспекты. Существует большое количество литературы по данному вопросу, как и исследования границ царской власти в системе древнерусского общества, исследования русского политического фольклора, так и работы, посвященные формированию гражданского культа императора, а также литература, описывающая маргинальные течения, активно обожествляющие царскую власть, и

¹ Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 110-115.

исследования о народных представлениях о государственной власти², тем не менее нет обзорной работы затрагивающей весь монархический период истории, а так же современные представления. Среди работ, написанных по данной теме можно выделить несколько книг, оказавших влияние на последующие исследования: книга известного фольклориста Кирилла Владимировича Чистова, «Русская народная утопия»³ повествующая о социально-утопических легендах русских крестьян, среди них наиболее интересная для нас часть про легенды о «царях-избавителях», а также часть, посвященная феномену самозванчества. В легендах о возвращающихся царях-избавителях довольно хорошо видна, сохраняющаяся на протяжении веков, вера самых широких слоев населения в сакральность царской власти и божественное предназначение царя. Интересны для нас и работы Б.А. Успенского, изучившего процесс сакрализации власти в России⁴, формирование гражданского культа императора, а также феномен самозванчества, помимо очевидных достоинств сочинений Б.А. Успенского без которого не обойдется ни одна работа посвященная данной теме, можно выделить несколько недостатков: экстраполяция концепции Москва - Третий Рим на протяжении всего периода русской истории после ее появления в конце шестнадцатого века, такой взгляд не представляется на данный момент верным. Эсхатологическая концепция Филофея, не была известна ни Петру Первому, ни Екатерине Второй, сохраняясь по преимуществу в старообрядческих кругах, она актуализировалась для решения насущных политических задач – установления патриаршества или обоснования русско-турецких войн.⁵

² Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XV века. М.Наука, 2000. 294 с.

³ Чистов К.В. Русская народная утопия, СПб: Дмитрий Булавин, 2011. 528 с.

⁴ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. 610 с.

⁵ Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment». 22p.

«Древнерусские учения о пределах царской власти», классическое исследование В.Е. Вальденберга, первым в мировой науке занявшимся исследованием политической мысли Византии⁶. Исследование Саввы В. «Московские цари и византийские василевсы», в котором рассматривается влияние моделей императорской власти Византии на Россию, а также описывается, о символическом значении церковных и гражданских обрядов московского двора, использовавшихся для легитимации царской власти в России. Несомненный вклад в исследование проблемы внес Лукин П.В. в своей книге «Народные представления о государственной власти в России XVII века» рассмотревший феномен представлений о сакральности царской власти на примере следственных дел о «непригожих речах». Одно из достоинств этой книги в том, что автор учитывает разнообразие представлений о царской власти в различных социальных группах и слоях, тем не менее, как отмечает автор можно говорить о некоторой «общей» картине взглядов. В контексте исследования самозванчества нам интересны работы О.Г. Усенко, сочетающего принципы, заложенные в советском исследовании данного феномена и современный подход.

«Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны»⁷, исследование современного петербургского исследователя Б.А. Колоницкого. В книге рассматривается влияние разросшихся слухов о Николае Втором, Александре Фёдоровне и Григории Распутине, на десакрализацию царской власти и последующее крушение монархии.

Касательно феномена современного царебожничества для нас интересны статьи, посвященные формированию движения царебожников⁸, «опричным

⁶ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

⁷ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

⁸ Зыгмонт А. И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.: РГГУ, 2012. № 11. С. 138—145.

братствам»⁹, а также царебожнической мифологии¹⁰. Интерес для нас представляют и работы Л.А. Андреевой о сакрализации царской власти в России¹¹, в которых сакрализация власти в России объясняется формированием наместнической модели. Император в соответствии с этой моделью должен был символически репрезентовать Христа. Однако такой подход не затрагивает проблемы царской святости и народного монархизма¹². В контексте изучения сакрализации власти в Синодальный период для нас интерес представляет неоднозначная в оценках книга современного американского исследователя Эрнста Зицера, посвященная формированию культа личности Петра Первого и некоторым концептуальным аспектам его политики и понимания власти.¹³

Целью данного исследования проследить формирование и предпосылки сакрализации царской власти в России, как на примере осмысления власти самой «властью», так и ее общественное восприятие, сакрализацию в народной культуре. В данной работе мы постараемся проследить процесс сакрализации царской власти в России от периода ее становления до периода ее завершения, акцентируя внимание, на мифологических представлениях, для которых была характерна вера в божественной источник любой высшей власти. Автор также ставит вопрос о

⁹ Кнорре Б. «Опричный мистицизм» в религиозных практиках «царебожничества» (Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. – 400 с.

¹⁰ Чумакова Т.В. Культ царской власти в современной России и антисемитизм // Религия в меняющемся мире. Сб. статей// Ред. колл.: М.М.Шахнович (отв.редактор), Т.В.Чумакова, М.С.Стецкевич, Е.А.Терюкова.-СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. с. 54 — 66.

¹¹ Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. Издательство «Ладомир» М. 2007. 302 с.

¹² Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В. Сакрализация и десакрализация власти в истории Сакрализация власти в христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. - М.: Изд. Института Африки РАН , 2005. 398 с.

¹³ Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный переаод с англ. Д. Хитровой и К.Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 240 с.

современном почитании царской/императорской власти, и в частности восстановление почитания императора Павла Первого. Этот культ мало исследован, и современные работы, посвященные его развитию в XXI веке отсутствуют.

О сакрализацию власти можно говорить тогда, когда она объявляется причастной к миру «нечеловеческому», «высшим силам», носитель власти рассматривается как носитель этих сил (царская харизма). Представления о божественном происхождении власти были повсеместно распространены и встречаются на протяжении всей истории. Сакрализация необязательно может представлять монарха как святого или идеального правителя, но также и демонизировать его. Так же сакрализуется не только правитель, но и его изображения, имя и т.д.

Апробация данной работы была проведена на студенческой конференции «Вторые Маторинские чтения» на кафедре философии религии и религиоведения института философии СПбГУ. (Санкт-Петербург, апрель 2017)

Глава 1. Допетровский период развития представлений о сакральности царской власти в России.

Сакрализация власти в России исторически связана с традиционными для христианства представлениями о правителе. Сама по себе идея параллелизма монарха и Бога, утвердившаяся в Византии, предполагает наделение монарха особыми качествами, харизмой, в силу которой, он начинается восприниматься как сверхъестественное существо. Монарх уподобляется Богу, потому что, как и Бог обладает властью, но власть монарха не автономна, она дана от Бога и должна соответствовать его нравственному закону, отсюда же и возникает представление о благочестивом, христианском правителе. Принятие Римской империей христианства стало завещающим шагом легитимации вселенской монархии. Для обоснования императорской власти наиболее подходило христианское представление о едином Боге, едином Царе Небесном, символическим образом которого становился единоличный земной правитель. Взгляд на земную монархию как отображение монархии небесной становится важным для христианской мысли, в соответствии с ней правитель понимается как «живой образ» трансцендентного первообраза.

Идеология священной империи, сливаясь с христианством в качестве государственного культа, складывается в политическую теологию, призванную обосновать союз церкви и государства, безраздельную власть монарха и его харизму. Одна из наиболее емких иллюстраций этой идеи выражена дьяконом Агапитом¹⁴, который поднес свое грамоту императору

¹⁴ О поучении Агапита в русской традиции см. подробнее Буланин Д.М. «Почтение Агапита» // Интернет портал «Электронные публикации ИРЛИ РАН» <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3042/> (дата обращения: 01.05.2017).

Юстиниану, «Государь по существу своего тела равен каждому человеку, но властью, с достоинством его соединенною, подобен есть всех начальнику Богу. Ибо он не имеет никого выше себя на земле»¹⁵. Агапит видел идеал царской власти, ограниченным законом и нравственностью. Сочинение Агапита, в котором он представлял монарха и Бога как «тленного» и «нетленного» царя, было известно на Руси наряду с тремя другими сочинениями византийской политической литературы, как отмечает Е.В. Вальденберг, все известные сочинения содержали идею ограничения царской власти, хотя и понимали эти ограничения разнообразно.¹⁶ Текст Агапита устанавливал нравственные границы царской власти, царь должен соответствовать христианским представлениям о правителе, ответственным перед Богом за своих подданных. Концепция симфонии двух властей - церковной и государственной, сформированная в Византии шестого века, согласно которой, Бог дал людям два равноценных дара священство и царство, со временем проникнет и в Россию, как один из источников для сакрализации русских царей. Император в Византии получал свою власть непосредственно от Бога, патриарх же заимствовал ее у василевса, что было отражено в церемонии поставления патриарха¹⁷. Начиная с Константина Великого, императоры обеспечивали соборность церкви, они принимали активное и главенствующее участие в религиозной жизни, созывали церковные соборы, председательствовали на них, и лично определяли все итоги соборов, окончательно утверждая решения, тем не менее Византия знала времена, когда патриархи проклинали императоров и предавали анафеме. «История Византии дает примеры самого разнообразного отношения императоров как к своей власти, так и к делам церкви, и к церковным

¹⁵ Старообрядчество в России Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Юхименко Е.М. — М.: «Языки русской культуры», 1999.

¹⁶ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 70.

¹⁷ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 134.

властям»¹⁸ Поэтому необходимо учитывать, что византийские модели власти могли отличаться и попав на русскую почву приобретать совершенно иной вид. В России же, как правило, любые попытки духовного лица восстать против царя заканчивались плохо, Филипп Колычев митрополит московский, обличавший опричнину был лично удушен Малютой Скуратовым, а Никон и Аввакум в разное время выступавшие против политики Алексея Михайловича были посажены в тюрьму.

В Византии монарх иногда мог совмещать функции правителя и первосвященника, не только символически, но и как действительного служителя культа. Императоры кадили, причащались в алтаре отдельно с дискоса и отдельно из потира, благословляли трикирием и проповедовали.¹⁹ Византийский император репрезентовал свои первосвященнические функции в литургической и дворцовой жизни, уподобляя себя Христу и изображая его в религиозном церемониале. Император был наместником Христа, главой царства и церкви, сакральным соправителем, обеспечивающим взаимоотношения земного и небесного, ответственным за судьбу подданных. Тем не менее, нельзя назвать власть византийского императора абсолютной.

Правитель Ромейского царства, с одной стороны, оказывался высшим государственным чиновником, власть которого обеспечивалась поддержкой армии, народа, и сената, а с другой, помазанником Божьим, то есть его власть находила свое обоснование в сакральном источнике. Поэтому император должен был соответствовать идеалу христианского служения, как это и было сформулировано в сочинении Агапита, но также соблюдать определенные границы византийского права. В Византии власть императоров изначально не была наследственной и долгое время существовала ситуация правовой неопределенности в вопросах порядка престолонаследия, зачастую это

¹⁸ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 71.

¹⁹ Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В. Сакрализация и десакрализация власти в истории Сакрализация власти в христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. - М.: Изд. Института Африки РАН, 2005. 398 с.

становилось причиной узурпации власти. Власть понималась как дар от Бога, но в условиях отсутствия закона о престолонаследии император должен был заботиться об общественном мнении, иначе рисковал быть свергнутым. Императорская власть не могла переходить в полную собственность отдельного человека, это был дар, получаемый от Бога, но теоретически он мог быть отвергнут у императора.

В России же власть с самого начала была наследственной, возможно, это и привело к пониманию царской власти как «природной». В этом контексте становится понятным, почему Иван Грозный мог официально поставить на царствование Симеона Бекбулатовича, но не переставать ощущать себя полноправным правителем и «природным» царем. Власть, таким образом, не столько дарована от Бога, сколько predetermined and освящена им. Царь понимается как «прежде рождения его от Бога избранный»²⁰, как писал в своем «Сказании» Авраам Палицын про Алексея Михайловича, это перекликается и с распространенным мотивом демонстрации самозванцами «царских знаков» на теле. В соответствии с такими «природными» представлениями царем можно только родиться.

В конце шестнадцатого века на Руси актуализируется концепция Москва – Третий Рим, ее истоки можно найти пасхалии 1492 года греческого митрополита Зосимы, который первым провозгласил Москву новым Константинополем, а московского царя новым Константином²¹. Как считается, развил и окончательно оформил эту идею псковский монах Филофей, от которого до нас дошли два послания. Одно послание было посвящено доказательству ложности астрологии, второе борьбе с содомским грехом. В конце каждого из посланий утверждается идея становления Москвы как нового и последнего Рима. В соответствии с этой концепцией, вечное Ромейское царство последний раз переносит свою столицу, сначала из

²⁰ Палицын А. Сказание. Изд. Императорской Археографической Комиссии. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. 376 с.

²¹ Ильинский Ф.М. Митрополит Зосима и дьяк Федор Васильевич Курицын // Богословский вестник. 1905. Т. III. 652 с.

Рима в Константинополь и окончательно в Москву. Мысль о Москве как преемнице Византии была выгодна для Венецианской республики, как повод использовать силы Московии в борьбе против османов. Эта идея была озвучена на Венецианском сенате в 1473 году. Но втянуть Русь в это противостояние тогда не удалось.

Трудно и приписать идеи Москвы как третьего Рима идеологии императорской России. Даже государственный историограф Российской империи Николай Карамзин, отмечал, что идея Москва – Третий Рим становится актуальной во время фактического царствования Бориса Годунова, при дворе Федора Иоанновича. Для установления автокефальной церкви Годунову потребовалось использовать эту идею как инструмент влияния на константинопольских иерархов от решения, которых зависело предоставление русской церкви автономии. Борису Годунову удалось получить согласие восточных патриархов, и в 1589 году митрополит Иов стал первым русским патриархом, лично признанным Вселенским патриархом Иеремией Вторым.

Согласно концепции Москва — третий Рим, в XVI веке после падения Константинополя, Русь оказывается единственным независимым христианским государством, за исключением Грузии, раздираемой феодальной раздробленностью. Падение Константинополя приблизительно совпадает с окончанием татаро-монгольского ига, «оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости — в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т. е. торжество православия над мусульманством»²². Таким образом, только московский государь становится единственным царем, занявшим место византийского василевса, и понимается как единоличный властитель «Ромейского царства». Однако нельзя сказать, что идея Москва – Третий Рим

²² Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, - М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67-68.

была основой идеологии московского царства.²³ После установления патриаршества идея Москва – Третий Рим, остается в русской культуре, особенно в старообрядческой среде, но становится вновь актуальной только в середине девятнадцатого века во время русско-турецких войн. Ориентация на Рим как культурный образец остается характерной на протяжении долго периода русской истории. Московское царство перенимает византийские модели царской и церковной власти, появляется представление об особой харизме царя, дающей ему право на царствование. Появляется представление о харизме царя и патриарха. Представление о божественности высшей власти на Руси оформляется еще в одиннадцатом веке в произведении Илариона «Слово о законе и благодати»²⁴. Вплоть до времен Ивана Грозного, формально христианским царем (он может быть только один) считают византийского императора, его имя упоминалось в службах, хотя и можно найти многочисленные примеры сакрализации русских правителей, еще до установления царской титулатуры «боговенчанного царя» Ивана IV.

Сам чин миропомазания, созданный для церемонии помазания Ивана Грозного, был разработан по аналогии с византийским образцом, хотя и существенно отличался. «Однако в Византии помазание миром при коронации не отождествлялось с таинством миропомазания, которое в православной церкви совершается обычно непосредственно после крещения. В России же произошло такое отождествление»²⁵ Титул царя в русских условиях приобретает религиозное значение, само же слово «Царь» выступает как одно из наименований бога - «Царь Небесный». Таким образом, царь становится заключенным в религиозную традицию, «Особое восприятие царского титула у русских отмечает капитан Маржерет в своих

²³ Рое М. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment»), 2001. 22 p.

²⁴ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати, сост. Виктор Дерягин, Институт русской цивилизации, 2011.

²⁵ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, - М.: Языки русской культуры, 1996. С. 587.

записках 1607 г.: по его свидетельству, русские считают, что слово «царь» создано не человеком, а Богом; соответственно, царский титул противопоставляется всем другим титулам как имеющий божественную природу».²⁶

Во время помазания, согласно религиозным представлениям, на монарха нисходят дары Святого Духа, и приобретается особая царская харизма («благодать»). Во время помазания на царство митрополит произносил «Свят, свят, свят», отмечая богоизбранность царя, и «Печать и дар Святаго Духа», так же как принято при обычном миропомазании. «Согласно учению [русских] православных богословов, миропомазание, соединяемое с коронацией, являет из себя особое таинство: царь не посвящается в духовную иерархию, как это бывало с императорами византийскими, и не принимает на себя власти священнодействия и учительства, но получает силу и премудрость для осуществления высшей правительственной власти как в государстве, так и в церкви»²⁷. В 1589 году в соответствии с ориентацией на Византию и неприятием Флорентийской унии в России появляется первый патриарх. Заключение Флорентийской унии монахом Исидором и последующее ее неприятие Московским государством, становится главным поводом для учреждения автокефальной церкви в России. Инициатива созыва собора принадлежала светским властям, ритуал соответствовал византийскому, в Успенском соборе царь «поставлял» патриарха, произносил речь и даровал посох митрополита Петра — символ патриаршей власти.

Позже возникнут неизбежные, характерные еще для Византии споры о первенстве власти: церковной или светской. Показателен пример взаимоотношений царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, считавшего именно себя «живым образом Христа», истинным божьим

²⁶ Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году — М.: Польза, 1913. С. 83.

²⁷ Коронация // Брокгауз и Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 31, - Спб: Семеновская Типолитография, 1895. С. 320-321.

помазанником. Способствовало этому не только символическое уподобление царя Богу, но и создание «Монастырского приказа» управляющим церковным имуществом и рядом судебных церковных функций (монастырский приказ был упразднен в 1666 году, однако вновь вернулся в царствование Петра Первого, после смерти патриарха Адриана). Никон выступает против уложений царя Алексея Михайловича, видя в них поползновения на церковную власть. Никон не принимает узурпации власти монархом, по этому поводу он пишет: «Егда глава есть церкви царь? Ни, но глава есть Христось, яко же пишеть апостоль. Царь ни есть, ни быти можеть глава церкви, но яко единь от удь, и сего ради ничтоже можеть дьйствовати во церкви, ниже послыдняго чтеца чинь»²⁸.

Известно, что Никон не терпел умаления значения патриаршего титула. Так Никон негодовал на митрополита крутицкого Питирима, за его участие в ритуале Страстной недели «шествии на осляти». Ритуал символически повторял вход Иисуса Христа в Иерусалим. За самовольное присвоение себе функций патриарха, Никон предал митрополита анафеме. Этот же обряд позже вызывал негодование у Петра Первого, как унижающий царское достоинство, царь должен был взять на себя роль конюха и вести осла с сидевшим на нем патриархом. Отказываясь воздавать честь патриарху, Петр, видевший в «шествии на осляти» символическое главенство церковной власти над светской, отменил его. «Об обряде хождения на осляти как церемонии, унижительной для царского достоинства, пишет затем и Екатерина II в своем «Антидоте». Екатерина, так же как и Петр I, согласно рассказу П. Алексеева, связывает низложение Никона с этим обрядом как свидетельством его «безмерных притязаний»²⁹.

Властные претензии Никона, его попытка сохранить старое значение патриарха, закончатся его обличением и низвержением. Новая модель

²⁸ Каптерев Н.Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович т. II, Сергиев Посад, 1912. С. 188

²⁹ Бартенев П. Оснадцатый век. т.4, М.: типография Т.Рис, 1869. С. 384

царской власти была не понята и Аввакумом, и воспринималась им как посягательство на священство и откровенное кощунство, Аввакум сравнивает Алексея Михайловича с Навуходоносором. Окончательно споры о харизме царя и патриарха будут завершены Петром Первым, его упразднением патриаршества и учреждением Святейшего синода.

Глава 2. Развитие представлений о сакральности царской власти в России в синодальный период истории русской церкви

2.1 Император Петр Первый и сакрализация власти

В синодальный период церковь управляется не патриархом, а Синодом с приставленным к нему обер-прокурором, значимость которого с годами стала только возрастать.

Византинизация русской культуры начавшаяся при Алексее Михайловиче, казалось бы, должна была исчезнуть при петровской вестернизации, тем не менее, она сохраняется и не только уживается с вестернизацией, но даже усиливается в вопросе сакрализации власти. В развивающемся культе монарха византинизация и европеизация переплетаются, образуя единое целое.

Петр Первый провел крупную церковную реформу, поменяв саму систему управления русской церковью, в 1700 году умирает патриарх Андриан и Петр запрещает избирать нового патриарха, местоблюстителем престола назначается Стефан Яворский, в течении двадцати лет было установлено формальное подчинение другим поместным церквям под управлением четырех восточных патриархов. В 1718 году Стефан попал в немилость, так как оказался связан с партией цесаревича Алексея, и Петр решил окончательно упразднить патриаршество. От имени Петра и Феофана Прокоповича, четырем восточным патриархам было отправлено письмо с просьбой благословить коллегиальное управление церковью. Таким образом, несколько епископов должны были совместно управлять автокефальной

церковью. Просьба была одобрена. Однако в письме не содержалось информации, что епископы будут подчиняться обер-прокурору, то есть светскому чиновнику, стоящим над духовной властью и подчиняющемуся непосредственно императору.

Петр Первый, превративший Московское царство в Российскую империю был, прежде всего, ориентирован на классический Рим и западную Европу, но царь, порвавший с московским прошлым, несмотря на распространенную в научной литературе точку зрения не был «безрелигиозным царем» или ярким антиклерикалом, наоборот, для периода его царствования характерно усиление сакрализации власти. Петр не отказывается от полубожественного статуса монарха, но переосмысляет его и возвышает свою личную власть, становясь не только главой государства, но и церкви, в этом смысле можно наблюдать преемственность с политическим богословием Московского царства. Русская церковь становится устроенной по северно-европейскому образцу, фактически в основу Синодальной модели ложится шведский документ об устройстве государственной лютеранской церкви.

За придворными играми царя, священными пародиями, всешутейшим и всепьянешим собором, скрывались не только секуляризационные идеи, но и утверждение культа божественной харизмы Отца Отечества, призванного легитимировать единоличную власть царя по абсолютистской модели. На протяжении тридцати лет Петр и его приближенные участвовали в кощунственных церемониях, неприемлемых с точки зрения богобоязненного христианина. По мнению американского исследователя Эрнеста Зицера, «политические таинства Преображенного царства возвышали Петр над придворными группами и кланами, демонстрировали его власть над церковью и создавали вокруг него своего рода экуменическую религиозно-рыцарскую общину»³⁰

³⁰ См. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный перевод с англ. Д. Хитровой и К.Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 240.

Культ Петра Первого, утверждавшийся в придворных играх, был призван репрезентовать императорскую харизму и безграничную власть Петра в противовес притязаниям придворных группировок и кланов, традиционно оказывавших влияние на ход политической жизни (сам Петр был поставлен на царство в ходе придворных интриг) а также патриарха, должность которого была упразднена. Приближенные Петра становились участниками реформистского мужского братства, члены которого разделяли веру в божественное предназначение царя, предполагавшего преобразование Московского царства. Петр со своими советниками создавали символический язык «кумпании» последователей богоизбранного царя, поддерживающих иллюзию его всевластия.

Ключевые фигуры правительственной иерархии с первых лет правления Петра были участниками «Всешутейшего собора», они нужны были Петру для реализации его политической воли. От устойчивости положения его личной власти и подчиненных зависело исполнение его намерений, так же карнавалы и «соборы» могли служить в качестве дипломатических знаков для иностранных дворов. Петр Первый оформлял элитарный, исключительный статус своей группы путем нарушения религиозных, политических и нравственных норм, учреждая через это новый закон нового государства, в котором ему отводилась роль богоизбранного помазанника. Петр Первый разделял харизматический взгляд на власть, у истоков нового государства стояла идея внеюридической власти, Петр позволял себе выйти за рамки старомосковских представлений о царе, фактически утвердив культ своей личности.

Петр Первый начавший свой политический путь с невиданной ситуации царствования двух монархов, закончил единоличным правителем самопровозглашенной империи. Концепция Э. Зицера о культе Петра, позволяет объяснить «потешную» риторику Всешутейшего собора, в которой современные исследователи видят зачастую исключительно пропагандистскую агитацию, направленную против церкви и патриарха,

однако же такое объяснение окажется недостаточным. Всешутейший собор образовывается еще задолго до отмены патриаршества и продолжает существовать уже и в синодальный период. Рассматривать Всешутейший собор, как только пример «антиповедения» в русской культуре кажется Зицеру неправомерным. При таком взгляде подразумевается, что царь дискредитировал старые порядки для утверждения необходимости обновления России. «Однако — пишет Зицер — жесткость бинарных оппозиций, лежащих в основе такого подхода (прошлое — будущее, старое — новое, Россия — Запад) выдает в нем продукт структуралистской методологии, а также современных нам споров об «особом пути» России, совершенно несходных с историческим самосознанием первого императора и его подданных.»³¹

Также, нельзя рассматривать петровские «соборы» как пропаганду, так как она предполагает наличие аудитории, между тем все важнейшие события в деятельности Всешутейшего собора происходили в узком кругу и без зрителей, слухи же о петровских забавах только пугали людей и способствовали демонизации Петра Первого, о которой будет сказано ниже.

Игровой характер петровского культа не умоляет его серьезного значения. «Если слова верующего воспринимают всерьез, они превращаются в насмешку, но когда в них видят придворную игру, они вдруг обретают прямое значение»³². Эта игра, условность, перевернутость смысла, является вообще характерной для барочной культуры, ориентированной на «своего» читателя.

Безусловно начиная с Петра можно говорить о секуляризации русской культуры, церковь в России управляется теперь по-новому протестантскому более секулярному образцу, тем не менее, Петр последовательно утверждает новый гражданский культ императора, сакрализация власти приобретает

³¹ Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный переаод с англ. Д. Хитровой и К.Осповата. -М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 249.

³² Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии, М.: Издательство института Гайдара, 2005. С. 143.

иные формы. С этого же времени все события в жизни царской династии отмечаются как религиозные праздники. Для Петра уже не важна этническая или религиозная принадлежность, хотя он видел себя прежде всего «русским правителем» и умело использовал символическую преемственность Новгорода и Петербурга, рассматривая Александра Невского, как предвестника его будущих побед, легитимируя процесс возвращения Невских земель.

Петр призывает в Россию иностранцев и иноверцев. «Петр I вводит новый закон "русскости", заменяя принцип "русский = православный" на "русский = имперский служащий" или, иными словами, заменяет принцип родства по крови/роду социополитическим критерием»³³ В этом смысле показательно, что перед Полтавской битвой солдат призывают сражаться «не за Петра, а государство ему врученное». Свою жизнь Петр рассматривал не только как служение Богу, но и Российскому государству.

Используя традиционные для Московского царства представления о сакральном характере царской власти, Петр и приближенные создали новый миф о личной избранности царя и его братства. Братство же было основано не на клановых или родственных отношениях, но на личной преданности монарху.

Петр Первый ориентирован не на Византию, но на Рим. Титулы «император» «отец отечества» и «великий» указывают на римскую традицию и разрыв с принятыми в России титулами правителя. Хотя обращение к Риму как к норме было характерно для традиционной русской культуры, еще Рюриковичи возводили свою династию к императору Августу. И титул «царь» и «император» восходят к одному источнику. Но, являясь по сути одним и тем же, они таковыми не обнаруживаются, потому что отражают разные культурные ориентации.

Молодая петровская империя ориентировалась на римские образцы. Идея Рима утверждается в некоторых аспектах строительства Петербурга и

³³ Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект, И.Н. Белобородова // *Общественные науки и современность* (2), 2000. С. 53.

перенесении столицы. Наименования новой столицы Городом святого Петра неизбежно ассоциировалось не только с прославлением апостола Петра, но и представлением Петербурга как нового Рима. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии города, и насаждении культа святых Петра и Павла. Петру и Павлу посвящается собор, по плану первоначально находящегося в центре города и семантически перекликающегося с собором святого Петра в Риме, но и в гербе новой столицы, содержащим в себе мотивы герба Ватикана, перекрещенные якоря на петербургском гербе явно отсылают к перекрещенным ключам апостола Петра. «Символика герба Петербурга расшифровывается именно в этой связи. С одной стороны, якорь — символ спасения и веры и в этом значении прекрасно известен в эмблематике барокко; сопоставление его с ключом естественно и уместно. Но одновременно якорь метонимически обозначает флот — помещенный на место ключей апостола Петра, он знаменует то, чем Петр (император, а не апостол) намерен отворить дверь своего «парадиза» (Виленбахов, устное сообщение)»³⁴.

Характерно в этом смысле именование Петром и его приближенными Петербурга «парадизом». Петербург для Петра и его окружения «святая земля». Подобно святому Петру в Риме, «царствующий град» Петербург нуждался в своем покровителе, для этого актуализируется фигура Александра Невского, как прообраза Петра в его войне со шведами. Петр воспринимал победы Александра как предзнаменование собственных побед. Именно поэтому, Петр организует торжественное перенесение мощей благоверного князя из Владимира в новую столицу Российской империи. В планах Петра было создание прямого проспекта от Александро-Невской лавры до собора святых Петра и Павла, связующего место погребения покровителя города и будущей усыпальницы Романовых. Сам же Петр использовал память об Александре Невском в рамках новой имперской идеологии, стремясь объединить память об Александре Невском с

³⁴ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 587.

собственными победами, он распорядился о перенесении празднования дня Св. Александра Невского с 23 ноября на 30 мая, день его победы над Швецией и день переноса мощей в новую столицу.³⁵

Показательно в этом отношении, что в торжественной проповеди Феофан Прокопович, «церковный» сподвижник Петра, немало сделавший для его сакрализации, назвал его «живым зеркалом» Александра».

Подлинность Петербурга как нового Рима выражается в подчинении святости государственной службе, государственная служба приобретает сакральный характер, выражаясь в служении Отечеству. «Молитва сама по себе, в отрыве от «службы», представляется Петру ханжеством, а государственная служба —единственной подлинной молитвой.»³⁶. Святость Петербурга в его государственности, он противопоставляется папскому Риму и старой Москве, понимаемыми Петром как городами ложной ханжеской святости. Старое православие кажется Петру зараженным папистским духом, не лишёнными злой насмешки в этом смысле кажутся избрания Папы римского на Всешутейшем соборе. Петр признавал абсолютистскую власть только императора, поэтому он говорил про Никона, что тот «заразился духом папского властолюбия».

2.2 Петр Первый в представлениях старообрядцев и в фольклоре

Теперь же, от официальной идеологии зарождающейся Российской империи перейдем к народному восприятию Петра. Образ Петра в русском фольклоре противоречив. С одной стороны, Петр предстает как «царь-

³⁵ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000) , пер. Е.Е.Земскова, М.Б.Лавринович, М.: Новое литературное обозрение, 2007. 750 с.

³⁶ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 597.

мужик», лишенный сословных предрассудков, с другой стороны это «подменный царь» пропавший или находящийся в заточении. Легенда о подмененном царе³⁷ имеет мотивы сакрализации монарха, вместо «природного» царя на троне восседает «лжецарь-антихрист». Легенда о подменном царе представлена в большом количестве источников, так, например, в "Сказании о Петре истинном и Петре ложном" говорится, что Петр Первый на самом деле скрывается в старообрядческой молельне, а вместо него на престоле сидит подмененный царь.

Именно Петр Первый, как никто в русской истории подвергается демонизации, конечно же, это связано с процессами разрушения привычной традиционной жизни, церковными и светскими реформами Петра, противоречивость его фигуры находит свое отражение в многообразии фольклорных текстов. «Подменный царь» нарушает все вековые традиции русского народа, он заставляет носить немецкое платье, брить бороды, употреблять нерусскую еду, не соблюдает посты, уничтожает русских людей и пр. Действительно, для русского человека XVII - начала XVIII века все эти нововведения были «немы». Например, ему ничего не говорил немецкий камзол, тогда как русский традиционный костюм, помимо чисто утилитарной функции, имел огромное социокультурное значение, поскольку знаково и символически маркировал социальное положение человека, его носившего (вышивка, покрой, состав комплекта и пр.)

Чем сильнее сакрализировывалась власть Петра, тем более резкой демонизации он подвергался в старообрядческой среде. В полемическом старообрядческом трактате «Собрание от святого писания об Антихристе»³⁸ о Петре говорится: «И той лжехристь нача превозношати, паче всьхъ глаголемыхъ боговъ, сирьчь помазанниковъ...» Старообрядцы видели в нем

³⁷ Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект, И.Н. Белобородова // Общественные науки и современность (2), 2000. 132 с.

³⁸ Неизвестные Авторы, Собрание от Святого писания о Антихристе, Lib URL: http://az.lib.ru/n/neizwestnye/text_0210.shtml (дата обращения: 24.04.2017).

Антихриста. Хотя церковный раскол произошел при Алексее Михайловиче, именно Петр Первый становится фигурой демонической.

Особенностью взглядов старообрядцев было представление, что антихрист уже воцарился, и последние времена наступили. Учение об антихристе не было единым, в старообрядческих текстах встречаются утверждения о «духовной» или «чувственной» природе антихриста.

Алексей Михайлович для старообрядцев становится гранью, отделяющей благочестивых царей от царей-антихристов, поскольку во время его правления нарушается вера и прерывается ряд благочестивых государей (особое значение для них имел Михаил Федорович, старообрядцы видят в нем времена правления архангела Михаила). Петр Алексеевич же, первый царь подлинный антихрист, рожденный во втором незаконном браке, реформатор, разрушитель традиционной русской жизни. Петр первый открывал ряд императоров антихристов, все последующие правители воспринимались тоже как антихристы.

Для того чтобы объяснить почему антихрист правит больше чем три с половиной года, а апокалипсис все никак не наступает, старообрядцы развивают идею о духовной сущности антихриста, его чувственной природе. Образ антихриста оказывается для них «расчленинным» то есть растяженным в истории, каждый автор старообрядец мог утверждать, что актуальный правитель и есть самый последний антихрист, после правления которого, и наступит страшный суд.

Тем не менее, жизненные условия ставили старообрядцев перед необходимостью выработать компромиссное отношение к власти. «Общежительства», организуемые старообрядцами, вынуждены были так или иначе с властью взаимодействовать. Постепенно они переходили на более лояльные позиции. Однако трудно с уверенностью заявлять о соответствии лояльности к власти с истинным к ней отношением. Существует большое количество старообрядческих текстов, авторы которых критически настроены по отношению к конкретному монарху или царской

власти.

Несмотря на это, старообрядцы оказываются носителями монархической идеи, ее народного извода, они выступают не против царской власти, а против «неправильной» царской власти, то есть мы можем увидеть, что старообрядцы разделяют традиционные представления о «настоящем» и «лживом» царе, характерные для русского средневекового политического сознания.

Конечно же, не все старообрядцы полностью считают государственную власть антихристовой. Антимонархизм старообрядцев это условное название, на деле же старообрядцы не выступали против царской власти, но выступали против антихриста, во всех сочинениях, направленных против царствующего монарха, отмечается положительное отношение к царской власти вообще. Их неприятие актуального правителя входило в комплекс монархической идеи. В среде старообрядцев складывался народный вариант монархизма, сочетающий идеализацию царской власти и обожествление царя с резким неприятием государственного устройства, и личности правящего императора. «Уже в 1722 г. выговцы на вопрос иеромонаха Неофита о благочестии императора Петра I сформулировали взгляд на верховную власть, ставший для старообрядцев и в более позднее время стандартным: Христос Бог во Священном Евангелии научает, глаголя: Воздадите убо, яже кесарева, кесареви и, яже Божия, Богови. Лука, глава XX. Сим спасительным наказанием и мы грубии научаемся... Сие мы и от апостольскаго священнаго наказания научаемся, глаголющаго: Бога бойтися, царя чтите. 1 Петр, глава 2... Мы, аще о внесенных от Никона новопреданиих сомневаемся: но не сомневаемся о богопоставленном самодержавствии богохранимаго и богопомазаннаго самодержца... Мы и прочия от Бога почтенный всероссийския градоправителей и военачальников персоны, должны не судити, но честно почитати и Бога за них молити, яко за почтенные от Бога...»³⁹

³⁹ Гурьянова Н.С. Монарх и общество // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 132.

На примере этого текста видно отношение старообрядцев к царской власти вообще, в это время старообрядцы еще не молились за государя, но только вели дискуссию о возможности почитания царя как благочестивого. В общем, старообрядцы разделяют представления о сакральном характере царской власти вместе с остальным населением империи, что одновременно сочетается в их мировоззрении с учением о «Царе-антихристе». Для старообрядцев решающее значение имеет вопрос «благочестия» и «истинности» царя, здесь и находятся корни легенды о подмененном Петре-антихристе. Для старообрядцев, воспринявших церковный раскол как наступление последних времен, Алексей Михайлович все еще воспринимается как царь, по крайней мере, десять лет своего правления, соответствовавший их представлениям о благочестивом царе, но Петр уже не имеет прав на престол, ему отказано в царском происхождении.

Такой взгляд позволял старообрядцам почитать царскую власть и демонизировать актуального правителя, таким образом, демонизация и критика власти конкретного царя в их сочинениях входила в состав апологии царской власти.

2.3 Святой Павел I и старец Фёдор Кузьмич

Фигура Павла Первого в ряду Романовых стоит особняком, возможно, это был самый религиозный правитель Российской империи. Его глубокую религиозность отмечали современники и подтверждают исследователи. Именно при Павле утверждается положение главенства императора в церкви, в акте о престолонаследии, изданным им в 1797 году можно найти прямое указание на это, «Государи Российские суть Главою Церкви»⁴⁰, позже в законе это положение будет комментироваться так: «Император яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой

⁴⁰ Основные Законы, ст. 42 в изд. 1832 г.

благочиния. (...) В сем смысле Император в акте о наследии престола (1797 апр. 5) именуется Главою Церкви».⁴¹ По мнению историка Н.Я. Эйделяма, Павел разделял веру в сакральность власти, «Прибавим ко всему этому сознательную или подсознательную веру в божественное начало верховной власти. <.> Экзальтированный Павел был куда более склонен не к благочестивому православию, а, так сказать, к «мистике власти»⁴². Многие свидетельствуют в пользу того что Павел воспринимал свое царствование не только как государственное служение, но и служение религиозное, не случайно Павел приурочил свою коронацию к Пасхе. За свое короткое царствование Павел Первый сделал многое в сфере церковно-государственных отношений, его правление отмечено расширением свободы вероисповедания. В его царствование произошел уникальный случай, император позволил Синоду самостоятельно избрать обер-прокурора. Павел издал манифест о свободе вероисповедания для католиков и православных в Польше, разрешил строительство старообрядческих церквей во всех епархиях российского государства, за это его стали почитать старообрядцы. Существуют также противоречивые сведения о встрече императора Павла с лидерами скопцов Иваном Шиловым и Кондратием Селивановым, самозванцем, называвшим себя Петром Третьим. По мнению известного исследователя русских сектантских движений А. Панченко встреча Павла со скопцами действительно состоялась, «хотя о конкретном содержании их разговора остается только догадываться.

Возможно, впрочем, что скопческие песни, где император спрашивает Селиванова: «Ты ли мой отец?», — не так уж далеки от истины.⁴³

Павел Первый совмещал функции императора православного государства и *de facto* великого магистра Мальтийского ордена. Высшая должность Павла

⁴¹ Там же.

⁴² Н.Я. Эйдельман Грань веков. Спб., 2002. С. 57.

⁴³ Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. изд. М.: ОГИ, 2004. С. 178.

в ордене была признана самими членами, но нуждалась в официальном подтверждении от Папы и Ватикана. Папа Пий VII готов был признать Павла великим магистром на определенных условиях, но разрешению этого вопроса помешала его внезапная смерть.

С самого начала царствования Павла видно его мистическое отношение к власти. Коронация Павла была назначена на Светлое Воскресенье. Во время коронации Павел снимал с себя корону, в те моменты, когда архиерею полагалось снимать с себя митру. После коронации распространились слухи, будто бы Павел отказался принимать причастие из рук священника и причастил сам себя в алтаре.

Въезд Павла в Москву специально состоялся в Вербное Воскресенье, новый царь уподоблялся Христу, а Москва новому Иерусалиму. Киевский протоиерей Иоанн Леванда по этому случаю написал: «Не Он ли [Христос] делит славу воскресения Своего с верным Монархом?»⁴⁴ Об этом событии написал оду Николаев:

*Нагбенны ваи воспрядают!
Христос воскрес... и да венчают
Преемника святынь его!
Осанна! Царь грядый по праву,
Господня Имени во славу,
Есть образ Бога самого.⁴⁵*

Религиозность Павла преувеличивается настолько, что будто бы он сам служит литургию. «Свидетельство о том, что Павел служил литургию, можно найти у С.Н. Марина в его «Пародии на оду Ломоносова, выбранную из Иова», в которой Марин на место монолога Бога у Ломоносова помещает монолог Павла I:

Не ясна-ль в том моя щедрота,

⁴⁴ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 254.

⁴⁵ Там же.

*Велел что головы рубить?
Пришла-ль когда тебе охота
Кадилом в церкви покадить,
Священной ризою одету,
В себе представить шута свету
Служа обедню за попа?
Неужель мысль сия глупа?⁴⁶*

Павел Первый, убитый в своем замке в ночь на двадцать четвёртое марта при загадочных обстоятельствах, начал почитаться как святой и праведный царь, пострадавший от рук придворных изменников, потому что желал для народа блага. Примечательно, что в городском фольклоре он тоже мифологизировался, став призраком, обитающем в Михайловском замке. Одним из поводов к почитанию Павла, видимо стало введение им трехдневной барщины, а также могло сыграть свою роль, что Павел, как и идеализированный в прошлом его отец Петр Третий, очень долго ждал восшествия на престол, и так же стал правителем-мужчиной, после долгого царствования «неприродной» Екатерины Второй. Интересно в этом контексте отметить постоянные «припоминания» Пугачевым «своего» сына Павла и плач по нему. Кроме введения трехдневной барщины Павел сделал немало для облегчения быта крестьян, он отменил разорительную хлебную поимку и простил недоимки подушной подати, запретил продавать дворовых людей без земли, разделять семьи при продаже. Можно вспомнить и ящик, выставленный в окне подвала Зимнего дворца, куда любой желающий мог опустить записку для императора, вполне возможно, такой «требный ящик» воспринимался как символ близости царя к народу.

Незадолго до революции историк М.В. Клочков, написал книгу, «реабилитирующую» Павла, в ней в частности можно найти такие строчки: «После трагической кончины Павла распространилась молва, что императора Павла удавили генералы да господа за его справедливость и за сочувствие

⁴⁶ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 268.

простому народу, что он – мученик, “святой”; молитва на его могиле – спасительна: она помогает при неудачах по службе, когда обходят назначениями, повышениями и наградами, в судебных делах, помогая каждому добиться правды в судах, – в неудачной любви и несчастливой семейной жизни. Такая молва через столетие дошла до наших дней, и на могиле Павла больше, чем на чей-либо другой в Петропавловском соборе, горят приносимые свечи и служатся почти ежедневно многочисленные панихиды».

Культ императора Павла устанавливается по низовой инициативе, местом его почитания становится Петропавловский собор, где народ заказывает ему панихиды. «Практика эта исчезла после революции 1917 г. и вновь возобновилась, когда в перестройку в Петропавловском соборе были возобновлены богослужения»⁴⁷. В действительности о почитании Павла Первого, как святого известно, очень немного, но культ в Петропавловском соборе привел, к тому, что в начале двадцатого века протопресвитер придворного духовенства Александр Александрович Дернов, в то время настоятель Петропавловского собора, начал записывать, то что сообщали ему люди, пришедшие помолиться на могилу императора Павла. «Так постепенно создавалась книга записей, в которой скрупулезно собирались ответы на три вопроса: 1) давно ли почитатели Павла молятся на его могиле; 2) по каким побуждениям; 3) видят ли положительные результаты своих молитв»⁴⁸

Интересно, что и сейчас среди части верующих император Павел Первый пользуется уважением или почитается как святой. По сообщению

⁴⁷ Чумакова Т.В. Культ царской власти в современной России и антисемитизм// Религия в меняющемся мире. Сб. статей// Ред. колл.: М.М.Шахнович (отв.редактор), Т.В.Чумакова, М.С.Стецкевич, Е.А.Терюкова СПб.: СПбГУ, 2012. С. 54 — 66.

⁴⁸ Фирсов С.Л. Святой Павел. К вопросу о канонизации. Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Составители Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: «Серебряный век», «Контрфорс», 2000. С. 762 – 780.

смотрительницы Петропавловского собора⁴⁹ на ежегодную панихиду об упокоении Павла, которая проводится 24 марта в день его смерти, собирается примерно 750 человек, что гораздо больше, чем число пришедших на другие панихиды, по царям, упокоенным в соборе. Симптоматично, что во время богослужений в церковной лавке можно приобрести открытку с портретом Павла Первого, (открыток с другими царями нет) и бесплатно взять листок с молитвой «об упокоении Царя-мученика Павла Петровича».⁵⁰

Сын же Павла Первого император Александр Первый проявляется в фольклоре в образе Федора Кузьмича⁵¹. Легенда о старце Федоре Кузьмиче возникла в 30-е, 40-е годы девятнадцатого века. В основе ее лежало убеждение, что император Александр Первый на самом деле не умер, а только инсценировал свою смерть, начав образ жизни отшельника. Александр, якобы угрызаемый муками совести за соучастие в убийстве отца, решил замолить свой грех. Александр умер далеко от столицы после непродолжительной болезни тифом. Историк Н.К Шильдер насчитал 51

⁴⁹ - Скажите, сталкивались ли вы с каким-либо почитанием царей как святых в соборе? (Соб.)

- Павла Первого почитают как святого, даже готовилась его канонизация, и сейчас 750 человек приходит на панихиду каждый год, никогда столько людей не бывает на других панихидах. (Инф.)

- Когда готовилась канонизация?

- Хотели его канонизировать, тогда же когда и Николая Второго, в 2000 году на соборе, но что-то не получилось, документы потерялись. (Инф.)

Примечательно, что нет никакой информации о подготовке канонизации Павла в 2000 году, зато есть некоторые основания полагать, что возможность канонизации обсуждалась в правление Николая Второго, об этом см. Фирсов С.Л. Святой Павел. К вопросу о канонизации Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Составители Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: «Серебряный век», «Контрфорс», 2000. С. 762 – 780.

⁵⁰ Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам во дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое. Призри, Господи, на верного Твоего молитвенника за сирых, убогих и обездоленных, Императора Павла, и, помолит.

⁵¹ См. напр. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче на рубеже XX-XXI вв. : проблема демифологизации сюжета // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №307. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsikl-legend-o-fedore-kuzmiche-na-rubezhe-xx-xxi-vv-problema-demifologizatsii-syuzheta> (дата обращения: 07.05.2017).

слух⁵², возникший в первые недели после смерти императора. Внезапная смерть, могла оцениваться, как убийство крепостниками, как уже бывало в русской истории, слухи о том, что он спасся, повлияли на образ странника, которому приписывается высокое происхождение. Скоропостижная смерть правителя часто порождала фантастические слухи. По-видимому, Федор Кузьмич, первое появление которого произошло в 1836 году, был знатного происхождения, но скрывал его, это и породило молву, что на самом деле старец ни кто иной, как император Александр. Существуют свидетельства, что Федор Кузьмич знал французский язык и вел корреспонденцию с некоторыми дворянами. Федора Кузьмича неоднократно «узнавали», только в отличие от самозванцев он отрицал свое царское происхождение. Распространившиеся о нем слухи, привели к тому что он стал вести уединенный образ жизни и избегать излишнего внимания

Интересно, что такой же миф создается и о жене Александра Первого императрице Елизавете Алексеевне. Неизвестная, появившаяся в Тихвине, называла себя Верой Александровной, в народной традиции же она осталась Верой Молчальницей⁵³, из-за того, что 23 года держала обед молчания и скрывала свое происхождение.⁵⁴

Почитание Федора Кузьмича началось сразу после его смерти, в особенности повлиял на установление его культа купец Хромов, у которого старец жил в последние годы жизни.

Вера же, что Федор Кузьмич и есть Александра Первый, установилась еще при его жизни и после смерти его могила становится местом религиозного паломничества. «На кладбище при Алексеевском монастыре

⁵² Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. 448 с.

⁵³ См. подробнее Цеханская К.В. Вера Молчальница // Православная энциклопедия. Т. 7 С. 696 – 697 // Интернет ресурс «Православная энциклопедия» URL: <http://www.pravenc.ru/text/150365.html>. (дата обращения: 01.05.2017).

⁵⁴ Молин Ю. А. Анализ версий смерти императрицы Елизаветы Алексеевны. АРСИИ им. Г.Р. Державина. URL: http://www.kirshin.ru/about/arsii/04_04.html (дата обращения: 24.04.2017).

есть одна любопытная могила. Над нею стоит простой деревянный крест, обвешанный венками из живых цветов. Свежими цветами покрыт и могильный холмик. На кресте, выкрашенном масляною краскою, находится следующая надпись: «Здесь погребено тело великаго благословеннаго старца Феодора Кузьмича. Скончался 1864 г 20 января.» На нижней перекладине восьмиконечного креста написаны тою же краскою литеры: «Е. И. В. А. I», то есть Его Императорское Величество Александр I. Крест и надпись поставлены томским купцом Хромовым, благоговеющим пред этою могилою. Им же и многими другими поклонниками приносятся на могилу свежие цветы»⁵⁵

В 1984 году Федор Кузьмич, без какой-либо связи с Александром Первым, был причислен к лику святых как небесный покровитель г. Томска⁵⁶.

2.4. Феномен сакрализации царской власти в современной России.

Феномен сакрализации царской власти можно обнаружить и в культуре Иосифа Сталина и в почитании современных правителей, но наиболее ярко он проявился в таком современном российском религиозно-политическом феномене как царебожие.

Царебожие – представления о божественном статусе русского самодержца, а также маргинальное течение внутри современного русского православия. Царебожничество, хотя и вступает в догматические противоречия с православием, находит поддержку среди отдельных православных священников и мирян. «Царебожие» не является самоназванием почитателей царской святости, сами они предпочитают именовать себя истинно-православными или «опричниками», или же не осознают себя отдельным движением, а считают себя православными. Как

⁵⁵ Флоринский В.М. Заметки и воспоминания, М.: Русская старина (4), 1906. С. 296-297.

⁵⁶ См. Головкин Н. Загадка Федора Кузьмича// Интернет-портал Православие ру. <http://www.pravoslavie.ru/100.html> (дата обращения: 01.05.2017).

активное движение царбожничество заявило о себе в 90-е годы XX века, это время отмечается созданием различных царбожнических организаций, таких как «Опричное братство» и «Союз православных хоругвеносцев». Идеи царбожников находят свое воплощение и в культуре, один из видных идеологов движения Жанна Бичевская исполняет песню «Царь Николай» в которой в краткой форме выражается суть «искупительного догмата»: «Как на Кресте, на полу распростертый, // Ты претерпел за Христа до конца, // Выкупив Русь искупительной жертвой, // Богом увенчан сияньем венца»⁵⁷

В 1994 году была издана «библия» царбожничества книга митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) «Самодержавие духа: Очерки русского самознания». В этом объемном сочинении русская история описывается как действие божественного откровения, постоянного противоборства светлых и темных сил. Для митрополита Иоана власть богустановленна, «Божественное, трансцендентное происхождение <...> Верховной власти на протяжении тысячелетий человеческой истории не подвергалось сомнению, служа прочной религиозной основой человеческого общежития равно в Ассирийском Царстве и Древней Персии, в Римской Империи и Арабском Халифате, в Византии и на просторах Российской Державы»⁵⁸. Русские цари, по мнению автора, призваны сдерживать пришествие Антихриста, для иллюстрации этого тезиса митрополит Иоанн ссылается на Иоанна Кронштадтского, так же важную фигуру для дореволюционных и современных черносотенных и монархических организаций: «Антихрист, не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников». Русский царь представляет благое начало, его власть дарована Богом и освящена таинством миропомазания. Иван Грозный, первый русский царь, таким образом, становится важнейшей фигурой, несравнимой ни с кем

⁵⁷ Бичевская Ж. Царь Николай, 1999 год URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ouZiYj10znw> (дата обращения: 13.04.2017).

⁵⁸ Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самознания. СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1994. С. 352.

из русских правителей. Именно Грозный приемник византийского василевса и хранитель православия «воцарение Грозного стало переломным моментом: русского народа – как народа-богоносца, русской государственности – как религиозно осмысленной вероохранительной структуры <...> Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя».⁵⁹ Иван Грозный, по мнению, митрополита Иоанна, стал жертвой клеветы, его светлый облик очерняли иностранные и инославные авторы, побывавшие в России времена Грозного. Русские историки, опираясь на эти сочинения, продолжали воспроизводить искаженный образ благоверного царя. Революция 1917 года разрушение богоустановленного порядка, крушение «Святой Руси» и победа темных сил, а большевики воплощение антихристовой власти. Книга митрополита Иоанна стала «опорной» для царбожников, хотя в ней и отсутствуют важные для царбожия идеи, разработанные позже, в частности о роли Николая Второго как царя-искупителя и учение о «грядущем царе». Книга также стала важным источником для сторонников канонизации Ивана Грозного и интереса к его личности вообще.

Исторические корни царбожия, несомненно, связаны со специфическим отношением к царской власти, описанном в предыдущих главах данной работы. На царбожничество повлияла и канонизация царской семьи, а также идеи, циркулировавшие в эмигрантских кругах, особенно крайне правых и черносотенных. По сообщению историка А.А Кострюкова еще в 1920-30-е годы в эмигрантской прессе звучали призывы канонизировать царя Николая Второго, в некоторых источниках он упоминался и как царь-искупитель. «Русские люди ждут от Собора святого и великого дела. Надо ли пояснять, что это дело — торжественное прославление Императора Николая Александровича. <...> Честные архипастыри и отцы! Сыновне молим Вас исполнить это самое великое дело Вашей земной жизни. Ведь если Вы не прославите Царя-Искупителя, то

⁵⁹ Там же. С.200.

встанут из своих безвестных могил все замученные и прославят Его!»⁶⁰ Интересно отметить, что РПЦЗ не спешила с канонизацией, так как в среде эмигрантов еще живы были слухи о спасении царской семьи. Так, видный деятель заграничной церкви архиепископ Феофан (Быстров) вплоть до второй мировой войны молился о здравии императора.⁶¹ В послевоенное время вера в спасении царской семьи стала затухать. Зарубежная церковь стала говорить о вине не только большевиков, убивших царскую семью, но и вине всего русского народа. Вопрос канонизации обсуждался на протяжении шестидесяти лет, и был положительно разрешен только в 1981 году. В России же царственная семья была канонизирована только в 2000 году Архиерейским собором. Одним из публицистов оказавших влияние на формирование современного царебожничества, можно назвать убийцу В.Д. Набокова Петра Николаевича Шабельского-Борка. В его книге «Два монарха и таинственный старец Федор Кузьмич» описывается биография императора Павла и Александра Первого. Повествование построено в духе агиографической литературы, игнорируя исторические факты, автор стремится создать идеализированные образы монархов. Павел Первый в его книге становится святым царем-мучеником, пострадавшим за русский народ, а Александр Первый святым тайным подвижником, закончившим свою жизнь в Сибири. Апологеты царебожия так же ссылаются на пророчества монаха Авеля, якобы предсказавшего гибель императора Павла Первого и другие события русской истории. Пророчества Авеля появлялись еще в дореволюционную эпоху. В формировании мифа о пророке Авеле также поучаствовал Шабельский-Борк. В 1931 году в Харбине под псевдонимом Кирибиевич он издал книгу «Вещий инок», где дополнил предсказания Авеля информацией об убийстве последнего императора. Издание 1931 года не

⁶⁰ Керсновский А. Воистину наш царь бы великий праведник // Царский вестник. 1938. № 617. С. 15.

⁶¹ Кострюков А.А. К вопросу о подготовки канонизации царской семьи в Русской Зарубежной Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 3 (52). С. 42-51.

содержало информации о царе-искупителе, но если посмотреть на издание Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря 1995 года, то можно обнаружить там новые вставки, «На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой — бескровной жертве подобно. Война будет, великая война мировая...»⁶². Смерть Николая Второго уподобляется смерти Христа, император выкупает грехи русского народа. Церковью Николай Второй был прославлен в чине страстотерпца, но царебожники признают такую канонизацию недостаточной, они почитают последнего царя в другом статусе, для них он «царь-искупитель». Современный публицист Роман Сергиев пишет: «обзывая святого Царя Николая любым чином святости, кроме истинного, называя Его не Царем-искупителем, поступающий так не прославляет искупителя его соборного греха измены, а потому не может быть прощен!» По представлениям царебожников в 1613 году русский народ на Земском соборе принес царю и монархии нерушимую клятву, поправленную в 1917 году, нарушение клятвы привело Россию к «сатанинскому игу» и бедам XX века. Единственный способ разрушить это иго прославить Николая Второго в должном чине. «С прославлением святого Царя Николая Второго, как искупителя греха измены Народа Русского и Богу и Царю, будет снята епитимья нашего рабства жидам-безбожникам, попущенная Русскому Народу за грех отречения от своего Богопомазанника»⁶³.

Для искупления вины царебожники ежегодно с конца 90-х годов у памятника Николаю Второму в селе Тайнинском совершают особый «Чин покаяния в грехах русского народа», место это выбрано неслучайно, здесь

⁶² Кирибевич. Вещий инок. Издательство Свято-Троицкого Ново-Голутиного монастыря. М. 1995. С. 42.

⁶³ Святой Царь-искупитель Николай Второй URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Sborniki/Tsar_ISKUPITEL_Nikolai_II/Tsar_ISKUPITEL_Nikolai_SBORNIK.html (дата обращения: 27.04.2017).

проходил путь Михаила Романова в Москву на поставление на царство.⁶⁴ Во время «чина» участники просят прощения у Бога и Николая Второго не только за убийство царя, но и за петровские реформы, революцию 1905 года, отпадение интеллигенции от православия, принятие ИНН и так далее.

Царебожники также занимаются составлением молитв, акафистов, тропарей и написанием икон, в них особо подчеркивается сакральность царской власти.

Важной формой для саморепрезентации для царебожников становится крестный ход, эту культовую практику они используют, как способ публично заявить о себе, и порой их крестные ходы напоминают митинги. Крестный ход сопровождается хоругвями, лозунгами, иконами Ивана Грозного, Распутина и других. Среди множества икон, непризнанных РПЦ МП, наиболее показательны как иллюстрации «царебожнической теологии» иконы «Яко крылья крылья» и «Самодержавная». Эти иконы похожи на признанную церковью икону «Державную», обретение которой ежегодно празднуется второго марта в день отречения Николая Второго. На «Самодержавной» в отличие от «Державной» трон Богородицы водружен на геральдическом орле. Так же характерна икона Григория Распутина с цесаревичем Алексеем на руках, для царебожников она предстает «живым символом... мистического единства православного царя со своим народом»⁶⁵. Заслуживает внимания и иконографический тип, напоминающий иконографию Иоанна Крестителя, изображения Николая Второго, где отрубленная голова монарха лежит на блюде. Николай Второй, отсылая зрителя к Иоанну Крестителю, становится своеобразным предтечей «будущего царя».

Царебожники почитают русских царей как защитников православия, реализующих мессианское предназначение России. Неудивительно, что среди

⁶⁴ Портал-Credo.Ru: «На "диомидовский" чин покаяния в подмосковном Тайнинском собралось более 300 человек, многие из которых прибыли из Беларуси» URL: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=76495> (дата обращения: 25.03.2017).

⁶⁵ Ревнитель благочестия // Русь Православная. 2002 №5-6.

царебожников распространено мнение о святости царей, не в силу их личного благочестия, а в силу занимаемой должности. Так, один из царебожников, «опричный историк» Андрей Хвалин предлагает прославить отдельный «Державный Собор русских правителей». Часто звучат и призывы канонизировать Ивана Грозного, как первого русского царя помазанного на царство и Григория Распутина, для царебожников он предтеча искупительной жертвы Николая Второго. Как мученик за русскую веру почитается и Павел Первый, канонизация которого также ожидается определенной частью верующих и царебожников. Таким образом, царебожники не просто воспринимают царскую власть как сакральную, но обожествляют русских царей, почитают их как святых и требуют их канонизации, составляют молитвы, акафисты, пишут иконы и создают особое «царебожническое богословие».

Глава 3. Феномен самозванчества и его связь с представлениями о сакральном характере царской власти в России

Самозванчество известно во многих странах, но только в России оно оказало такое влияние на историю и приобрело небывалый размах — самозванцы в России поставлялись на царство, возглавляли восстания, увлекали на свою сторону сотни и тысячи людей, разжигали войны, и ни одно царствование не обходилось без появления нового самозванца. Посчитать все известные случаи самозванства невозможно, стоит лишь сказать, что феномен самозванства связан с представлениями о царской власти, княжеский период русской истории не знает самозванчества как явления⁶⁶. Б.А Успенский выделил несколько обстоятельств, которые могли заставить

⁶⁶ См. напр. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Феномен самозванства в истории российского государства // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-samozvanstva-v-istorii-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 07.05.2017).

человека поверить в свою царскую миссию. Если царское происхождение понимался как отличное от всех остальных людей, то человек, обнаружив на своем теле родовые пятна или какие-нибудь отметины, мог причислить себя царскому роду. В случае нарушения порядка престолонаследия, человек, попавший на царство, мог восприниматься самозванцем, и это провоцировало появление новых самозванцев, «Основой всего этого является убеждение, что судить о том, кто есть подлинный царь, должен не человек, но Бог». Также фактором появления самозванцев служит «мифологическое отождествление» «С наибольшей выразительностью, мифологическое отождествление проявляется у хлыстов и скопцов, видящих в конкретных людях непосредственное воплощение Бога Саваофа, Христа или Богородицы и называющих этих людей соответствующими именами»⁶⁷

По мнению известного исследователя русского фольклора К.В. Чистова, социальной основой для появления самозванства было закрепощение крестьян. Ухудшение положения крестьян приводило к появлению легенд о «настоящем царе», на которого возлагались надежды на освобождение от феодального гнета. Проанализировав многочисленные случаи самозванства, К.В. Чистов типологизировал народные представления и выявил некоторые общие черты характерные для легенд о «царе-избавителе»⁶⁸. Общие черты этих легенд в основном таковы: избавитель спасен, он скрывается и намерен осуществить социальные преобразования. Несомненно, социальной подоплекой для появления самозванчества были тяжелые условия крестьянской жизни, приводившие к появлению надежд на «доброе царя», но самозванство нельзя рассматривать исключительно как общественно-политическое движение, и К.В. Чистов также указывает на это. В советское время самозванство рассматривалось в комплексе идей «народного монархизма» и внимание уделялось, прежде всего, классовой

⁶⁷ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, - М.: Языки русской культуры, 1996. 313 с.

⁶⁸ Чистов К.В. Русская народная утопия, СПб: Дмитрий Булавин, 2011. С. 12.

борьбе, поддержка «истинного царя» крестьянами понималась как придание форме протеста законной формы. Крестьяне, поддерживая самозванцев или восстания, выступая против «царя» одновременно выступали и за «царя». Никакого противоречия в этом не находилось, ведь борьба велась «царем истинным» против «неистинного». Неслучайно в войсках Разина шло два корабля, один покрытый черным бархатом, другой красным, на первом судне якобы находился царевич Алексей Алексеевич, а на втором Никон. Действительно, и это вполне справедливо, феномен самозванства имеет социальную основу, но в современной исторической науке принята точка зрения, что самозванчество не может быть объяснено лишь антикрепостнической борьбой народных масс, так как не выявляет сути этого явления и не показывает его истинную природу. Самозванство далеко не всегда было связано с реальной борьбой за власть, многие современные исследователи рассматривают самозванчество в довольно широком контексте, включая «игры в царя», всешутейшие соборы, эпизодические случаи самозванства, например, когда кто-либо, напившись, называл себя царем, находясь в кабаке. Несомненно, все эти случаи содержат представления об истинном царе и связаны с традиционным пониманием царской власти. Тем не менее, в контексте данного исследования уместнее будет говорить о тех самозванцах, которые прямо объявляли себя царями или царевичами, находили сторонников или даже поднимали восстания, так как именно такие самозванцы оказали существенное влияние на ход русской истории и могут служить наиболее показательными примерами для описания самозванчества как явления. Поэтому как на наиболее показательных самозванцах подробно остановимся на фигурах Лжедмитрия Первого и Емельяна Пугачева. Очевидно, что самозванцы, увлекавшие на свою сторону тысячи людей лучше «попадали» в народную психологию, и их выступления оказывались успешными не только в силу исторических причин, но и их личных стратегий самозванства.

Самозванчество, как уже было отмечено выше, появляется в России с

установлением царской власти и связано с развитием феодальных отношений и государства, а также с нарушением функционирования династической системой наследования власти, неслучайно самые известные самозванцы объявляются в моменты кризиса престолонаследия. По мнению Б. Успенского в основе самозванства лежат религиозные представления: «специфика отношения к царю определяется, прежде всего, восприятием царской власти как власти *сакральной, обладающей божественной природой*. Можно полагать, что самозванчество как типичное для России явление связано именно с сакрализацией царя (которая, в свою очередь, связана с византизацией монаршей власти)»⁶⁹. Эта точка зрения представляется нам верной, так как позволяет описать психологические аспекты самозванчества. Неслучайно самозванчество появляется после утверждения ритуала венчания на царство, в который входит чин миропомазания, утверждающий богоизбранность монарха и сообщающий ему харизматические дары. Само же понятие «царь», как уже отмечалось выше, имеет религиозные коннотации, и объявление себя царем, может рассматриваться как претензии не только на политический статус, но и божественный. Так само слово царь, применяемое также к богу, противопоставляет себя всему земному порядку существования, царь оказывается вершиной социальной пирамиды и подчиняется не праву и народу, но самому богу. Сам факт объявления себя царем, имеет в своей основе сакральный характер, именно поэтому некоторые самозванцы прямо называли себя «земными богами». Самочинное объявление себя царем, перекликается с подобными заявлениями о собственной святости, известно немало случаев появления самозванных святых, показателен пример хлыстов и скопцов, объявлявших себя и святыми и царями одновременно. Лидер скопцов Кондратий Селиванов, в котором скопцы видели воплощение Христа, а также могли видеть и воплощение Илии-пророка, именовал себя Петром Третьим: «в начале был Господь Саваоф, потом Иисус Христос, а ныне Государь Батюшка Петр Феодорович,

⁶⁹ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. С.143.

Бог над Богами и Царь над Царями»⁷⁰. Преуспела в самозванстве и скопечская «богородица» Акулина Ивановна, которая почиталась не только за Богородицу, но и за императрицу Елизавету Петровну. Эти случаи показывают неразделимость представлений о власти земной и власти духовной.

Идея богустановленности власти, порождает представления о разделении царей на «истинных» «природных» «праведных» и царей ложных. Уже в тексте шестнадцатого века «Временнике» Ивана Тимофеева содержится дифференциация царей истинных и царей, являющимися таковыми только по внешнему подобию: «а о других и о тех, которые без благословения и незаконно наускаивали на царство, ясно, что для них будет отдельный от благих суд»⁷¹. Таким образом, человек не может стать царем по собственной воле, царя определяет не его поведение, а предназначение от бога, в этом смысле Лжедмитрий, венчанный на царство, не является настоящим царем, а становится таковым лишь формально. Царь становится царем еще до своего избрания или помазания, так в тексте «Сказания» Авраама Палицына содержатся такие строки, указывающие на особое божественное избрание в силу которого царь и становится царем, «и седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева матерня помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Федоровичь»⁷². Представления о «истинном» государе, очевидно, разделял и Иван Грозный, возводивший свою гениологию к Августу, а потому отказавшийся общаться на равных со шведским королем Юханом III, вошедшим на престол в результате переворота, «потому что нам цысарь Римский брат и иныя великия государи, а тебе тем братом назватись не возможно, потому что Свейская земля тех государств честию ниже, якоже

⁷⁰ Там же. С 167.

⁷¹ Тимофеев И. Временник // Интернет-ресурс URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Timofeev/frametext1.htm> (дата обращения 15.04.2017).

⁷² Палицын А. Сказание. Изд. Императорской Археографической Комиссии. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. С. 32.

напреди явленно будет»⁷³. Богоданная власть противопоставляется власти самочинной — если власть даруется Богом, то ложный царь получает ее от дьявола, об этом пишет и Иван Тимофеевич во «Временнике», уподобляя Лжедмитрия идолу, поставленному на царство по бесовскому наущению.

Интересно, что появлению самозванца сопутствуют сомнения в легитимности настоящего царя, так Борис Годунов, законный царь, оказывается в некотором смысле «самозванцем», которого должен свергнуть «истинный» царь, настоящий самозванец. Первый русский самозванец Лжедмитрий с самого начала своей деятельности был окружен легендами. Слухи о спасении Дмитрия появились сразу же после его смерти. Еще Н.И. Костомаров в своей истории «Смутного времени» писал, «для появления тогда Дмитрия нет нужды подозревать заранее устроенную интригу. Слух, расходившийся при Борисе по Московскому государству о том, что Дмитрий жив, мог быть вовсе не пущен с расчетом, мог возникнуть так, как и в наше время появлялись подобные слухи, напр. о том, что жив император Павел или великий князь Константин; такие слухи на нашей памяти ходили в народе, а за ними появлялись и самозванцы, только они исчезли бесследно для истории, потому что дальнейшему их успеху не было благоприятствующих обстоятельств»⁷⁴ По мнению, К.В. Чистова появлению Лжедмитрия предшествовало распространение легенды о чудесном спасении царевича Дмитрия и вера в появление «царя-избавителя». Этим и объясняется его успешное привлечение сторонников в северских, заокских, украинских городах, поддержка волжскими казаками, запорожцами и других пограничных районов. Жители этих краев верили в скорый приход избавителя, и Григорий Отрепьев (если считать, что его личность установлена) использовал эти ожидания. Самозванцу не нужно было выдумать свою роль, а только занять вакантное место. Спасенный царевич,

⁷³ Лихачев Д.С., Лурье Я.С. Послания Ивана Грозного. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 74.

⁷⁴ Костомаров Н. И. Герои Смутного времени. Берлин, 1922. С.152.

несправедливо отстранений от царства, скитающийся и скрывающийся, страдавший вместе с народом от боярской и царской несправедливости, должен был оправдать народные надежды. В грамотах, рассылаемых Лжедмитрием, воспроизводился миф о его чудесном спасении, утверждалось, что вместо него был убит кто-то другой, а в качестве подтверждения своего царского происхождения он демонстрировал золотой крест, инкрустированный бриллиантами. Интересно и то, что Лжедмитрий при своем первом «открытии» демонстрировал «царские знаки»: бородавку на щеке и родимое пятно на руке, а также разная длина рук должна была служить свидетельством «царского рода». Царские знаки на его теле упоминаются в известной исторической песне о Гришке Отрепьеве:

*А это Гришка — Рострижка Отрепьев сын,
Сидел в тюрьмы ровно тридцать лет,
Заросстил крест во белы груди,
Так назывался, собака, прямым царем,
Прямым царем, царем Митрием,
Царевичем Митрием московским.⁷⁵*

Появление Лжедмитрия сопровождалось слухами о его чудесном спасении. Но и смерть самозванца также обросла легендами, несмотря на то, что его тело было выставлено на всеобщее обозрение, слухи о его новом спасении все равно распространились, что и позволило Лжедмитрию Второму найти сторонников. Таким образом, «Дмитрий» спасся и в очередной раз. Наряду с верой в Лжедмитрия, как царя-избавителя, убитого боярами, из-за того, что он хотел дать крестьянам свободу, сохранился и образ Лжедмитрия как чернокнижника и колдуна, возникший после его разоблачения. Ставили в вину Лжедмитрию, как «неистинному царю» и его встречи с иностранцами, отсутствие бороды, несоблюдение религиозных предписаний. «Истинный

⁷⁵ Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. М.,1909. Т.1. №91. С 56.

царь» должен был следовать традициям русского быта. В представлениях тех времен, самозванец, превращался в богоотступника, так как терял свое имя, полученное при крещении, самозванец «автоматически попадал в бесовские сети. Такой отказ аннулировал крещение, в частности, то место из чина крещения, в котором говорится об отречении нового христианина от дьявола»⁷⁶. Если расстрига был «колдуном», то власть в Москве оказывалась захваченной в результате действия нечистой силы. Характерно что, убитый Отрепьев, помещенный на Красную площадь, был наряжен скоморохом, на него положили карнавальную маску, воткнули в рот дудку, а рядом поместили волынку. Эти предметы выступали символами перевернутого, колдовского мира, к которому принадлежал Лжедмитрий. Скоморохи на Руси отождествлялись с нечистой силой и колдунами, наряд скомороха должен был подчеркивать самозванство Отрепьева и унижать его «царское» достоинство. Сначала Лжедмитрия похоронили в убогом доме, там же где хоронят самоубийц, но затем труп выкопали и сожгли, зарядив прах в пушку и выстрелив в сторону Польши, откуда и пришел самозванец. Морозы, ударившие после убийства Отрепьева, объяснялись действием колдовской силы самозванца: «пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству, расстриги, что над его могилою деются чудеса».⁷⁷ В одной из песен Григорий Отрепьев предстает и как коварный убийца царевича Дмитрия:

*Не лютая змея возвевалася,
Возвевалось лукавство великое.
Упало лукавство царю Дмитрию на белу грудь.
Убили же царя Дмитрия в гуляньях, на игрищах,
Убил же его Гришка Расстриженный,*

⁷⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М. 1996. Т. 3. С. 191.

⁷⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 8. От царствования Бориса Годунова до окончания междуцарствия.

Убимши его, сам на царство сел. ⁷⁸

В источниках о смутном времени и фольклоре фигурирует и еретическая книга, которую якобы постоянно читает Лжедмитрий:

*Стоит Гришка расстрижка Отрепьев сын
Против зеркала хрустального,
Держит в руках книгу волшебную,
Волхвует Гришка расстрижка Отрепьев сын*

Также известна история, в которой разочарованный монах Отрепьев отправляется на реку топиться, но там его встречает Сатана и предлагает любые земные блага в обмен за душу, и Отрепьев пожелал стать царем Московским.⁷⁹

Весь путь Лжедмитрия становится овеянным мифами и легендами, начав как народный герой и «царь-избавитель», самозванец кончает как колдун и еретик. Несомненно, что успех Лжедмитрия объясняется историческими условиями смутного времени, но его предприятие не было бы осуществлено, если бы не предшествовавшие его появлению слухи, содержащие в себе представления об «истинном» царе. Самозванец умело использовал эти легенды для собственного утверждения на царство. Воспользуется легендами о спасении Петра Третьего и Емельян Пугачев. После взлета и падения Лжедмитрия, появится еще два Лжедмитрия, а также множество самозванцев, вывадавших себя за Петра Алексеевича, Алексея Петровича, Петра Второго, Петра Третьего, Ивана Антоновича. Но только деятельность Емельяна Пугачева, выдавшего себя за Петра III, потрясла всю Россию.

⁷⁸ Исторические песни. Баллады. Сост., подг. текстов, вступ. статья и примеч. Азбелева С.Н. М.: Современник, 1986. С. 55.

⁷⁹ Непомнящий Н. Н., Низовский А. Ю. Расстрига или царский сын? // Сто великих тайн. — М.: Вече, 1998.

Образ Петра Третьего стал очень популярен в народе, возможно, потому что в течение 19 лет он был официальным наследником, его воцарения ждали, связывая с ним большие надежды. Его короткое царствование не успело разочаровать крестьян, к тому же после долго перерыва Петр был единственным наследником-мужчиной. Во время правления Екатерины Второй, стали распространяться слухи о том, что она «неприродная», для патриархального сознания того времени было трудно принять женское правление, и в противовес недовольства Екатериной начала складываться идеализация Петра Федоровича. Интересно, что еще за четырнадцать лет до воцарения Петра Третьего, в Тайной канцелярии расследовалось дело одного крестьянина, в «возмутительных письмах» которого, утверждалось о намерении придворных «извести великого князя Петра Федоровича».⁸⁰ Внезапная смерть Петра Третьего, как это часто бывало, заставила крестьян думать, что царь убит «боярами», потому что хотел для народа лучшего. И сразу же после его смерти распространились слухи, что вместо него был убит и похоронен кто-то другой. Слухи о спасении Петра распространились по значительной части России и даже за рубежом, этот слух фиксируется в одной сербской рукописи, а в Черногории появился самозванец Стефан Малый, выдававший себя за Петра Третьего, и даже ставший царем Черногории.

Емельян Пугачев на допросах говорил, что идея самозванчества пришла к нему, после того как целый ряд людей обнаружил его сходство с Петром Третьим. Пугачев не только присвоил себе имя Петра, но окружил себя самозваной свитой, ведь свита — это неременный атрибут царя, среди его сподвижников числились «графы» «Чернышевы», «Воронцовы», «Панины». Пугачев переименовывал и подчиненные ему города. Сакмарский городок стал для его сторонников «Киевом», Берда — «Москвой», а «Каргале» — «Петербургом». Очевидно, Пугачеву был известен миф о

⁸⁰ Чистов К.В. Русская народная утопия, СПб: Дмитрий Булавин, 2011. С. 159.

спасенном царе и деятельность других самозванцев. Так Пугачев присваивал себе славу и своих предшественников, он отождествлял себя с Ф.Казиным-Богомоловым, другим самозванцем, также выдававшим себя за Петра III и угодившего в тюрьму, откуда он был освобожден восставшими, но за тем снова был схвачен правительством. Пугачев говорил, что «ему» удалось сбежать. Так же действовал и Лжедмитрий Второй, присвоивший себе не только биографию и славу предшественника, но даже жену и родственников. Первую попытку открыть свое царское происхождение Пугачев предпринял еще в 1772 году. Как рассказывал на допросе Пугачев в Тайной канцелярии, первым он рассказал об этом казаку-староверу Д.С.Пьянову: «Вот, слушай, Денис Степаныч, хоть поведаеть ты казакам, хоть не поведаеть, как хочешь, да только знай, что я государь Петр третий». И оной Пьянов изумился, а потом, помолчав немного, спросил: «Ну, коли ты государь, так Расскажишь мне, где ты странствовал» И он, Емелька, говорил⁸¹: «Меня пришла гвардия и взяла под караул, а капитан Маслов и отпустил, и я-де ходил в Польше, в Царьграде, во Египте, а оттоль пришол к вам на Яик».

Уже через год Пугачев для доказательства своего происхождения демонстрировал «царские знаки» на теле: «И побывав у Ереминой Курицы два дни, оной позвал ево, Емельку, в баню, и он ему сказал: «У меня рубашки нет». И Еремина Курица сказал: «Я-де свою рубашку дам». И потом пошли только двое в баню. А как взошли в баню и он, Емелька разделся, то увидел Еремина Курица на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран знаки и спросил ево, Емельку,: «Што это у тебя такое, Пугачев, на груди-та?». И он, Емелька, догадался, что, конечно, ему Пьянов о том, что он <...> Пугачев, бывши на Яике называл себя Петром-третьим, сказал, то он, Емелька, сказал Ереминой Курице: «А это знаки государския». И Еремина Курица, услыша оное сказал: «Хорошо, коли так!»».⁸²

⁸¹ Восстание Емельяна Пугачева: сб. документов/Подгот. К печати М.Мартыновым. Л., 1935. С. 111.

⁸² Там же.

Демонстрация «царских знаков», очень устойчивый мотив, к нему прибегали многие самозванцы, не только Лжедмитрий и Пугачев, но и Тимофей Акундинов и десятки других самозванцев. В качестве «знаков» показывали знаки на теле: «двуглавый орел», «царский венец», «месяц», «звезда», «крест» и так далее. Свидетельством «царского происхождения» могли стать любые знаки, ассоциируемые с властью и религией. В мотиве демонстрации знаков отчетливо проявляется сакрализация царской власти. «Царские знаки» должны были зримо представлять боготомеченность и иноприродность царя по отношению ко всем остальным людям. Вообще мотив узнавания по отметинам на теле или специфическим особенностям организма характерен для многих религий, можно вспомнить представления о картавых людях, как людях, увидевших Бога в иудаизме, или признаки великого человека в буддизме, которые были обнаружены у царевича Сиддхартхи. Помимо знаков, поддержкой служило и «опознавание» государя, так Пугачеву была сдана без боя крепость Оса, после того как один отставной гвардеец «узнал» в Пугачеве Петра Третьего. Распространено также было и представление о удачливости «истинного» государя, например, заборские казаки поддержали восстание «воеводы царя Дмитрия» Ивана Болотникова, после того как правительство потерпело два поражения, а донские казаки, рассуждая об успехе Пугачева, говорили, что если бы это был «Пугач», а не император Петр Третий, то он не смог бы так долго сопротивляться войскам. Успешная деятельность самозванца заставляла еще большее количество людей поверить в его легенду, и, таким образом, успех самозванца только увеличивался, это напоминает эффект самосбывающегося пророчества. Огромное количество сторонников Лжедмитрия и Емельяна Пугачева, не кажется странным, тяжелые условия жизни, вынуждали людей выступить против существующего порядка, а также предшествующие появлению самозванцев легенды стимулировали их увидеть в очередном самозванце «истинного царя». Самозванец становится заложником своей роли. Емельян Пугачев изначально не собирался идти с военным походом, а хотел вывести казаков за

пределы Российского государства на «вольные земли». Военный поход на Москву и Петербург, возвращение власти из рук изменников, уже были частью легенды о Петре Третьем, поэтому казаки ждали, когда Пугачев поведет их на взятие столицы. За самозванцем следуют, по преимуществу, когда действительно верят, что идут за царем. Даже ближайшее окружения самозванца должно было верить в его истинность.⁸³ Те, кто убеждался, что Пугачев не настоящий царь, покидали его ряды (например, важным фактом, заставляющим восставших сомневаться в Пугачеве, было незнание им грамоты) поэтому Пугачеву приходилось действовать в соответствии с ожиданиями.

Среди сотен самозванцев мы коснулись только нескольких, как наиболее хрестоматийных примеров. В рамках нашего исследования нет нужды и возможности описывать все известные случаи самозванчества, каждый новый самозванец, хотя и уникален, действует в общей схеме представлений об «истинном царе» и его роли.

Подведя итоги, можно сказать, что самозванчество появилось с утверждением царской власти, и базируется на представлениях о ее сакральности. В представлениях о царе, воплощается вера в его богоизбранность, особую природу, и мистическое предназначение. «Народный монархизм» термин довольно условный, вряд ли у крестьян и простых людей могли быть представления о каком-то ином государственном устройстве кроме монархии, тем не менее, уверенность в божественном происхождении царской власти заставляла людей верить в самозванцев и поддерживать их. Подчинение церкви государству и сакрализация царской власти, делала царя единственным источником легитимности. После отмены крепостного права, наблюдается некоторый спад, в появлениях новых самозванцев, по крайней мере не появляется ни одного самозванца, сумевшего увлечь на свою сторону значительное количество сторонников. Это свидетельствует в пользу социальной обусловленности данного феномена, но

⁸³ Усенко О.У. Самозванчество норма или патология? // Родина. 1995. No 1. С. 53–57; No 2. С. 69–72.

после свержения монархии, возник новый виток этого явления. Кризисные ситуации способствуют появлению лжемонархов. В двадцатом веке периодически появлялись, так называемые, «спасшиеся Романовы». Один из последних самозванцев в 1960-е выдавал себя за царевича Алексея и даже был венчан на царство протопресвитером зарубежной церкви Георгием Граббе⁸⁴, однако иногда самозванцы, претендующие на роль потомков Романовых, появляются и в наше время.

Заключение

Восприятие царской власти на протяжении всего монархического периода русской истории было связано с представлениями о божественном источнике царской власти. На эти представления также влияли религиозный и политический факторы. Идеи, принесенные из Византии, трансформировались на русской почве, культурное заимствование порождало оригинальные концепции царской власти. Предпосылками сакрализации царя нам видится наследственность власти, которая возможно становится основой веры в особую «царскую природу», наследование московских царей византийским василевсам. А также начиная с Петра Первого принятие царем не только как государственного деятеля, но и формального главы церкви. Восприятие верховной власти как имеющей божественное происхождение лежит в основе феномена самозванчества, приобретшего небывалый размах в России. Самозванчество появилось с утверждением царской власти, и базируется на представлениях о ее сакральности. В представлениях о царе, воплощается вера в его богоизбранность, особую природу, и мистическое предназначение. «Народный монархизм» термин довольно условный, вряд ли у крестьян и простых людей могли быть представления о каком-то ином государственном устройстве кроме монархии, тем не менее, уверенность в божественном происхождении царской власти заставляла людей верить в

⁸⁴ Кострюков А.А. К вопросу о подготовки канонизации царской семьи в Русской Зарубежной Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 3 (52). С. 42-51.

самозванцев и поддерживать их. Подчинение церкви государству и сакрализация царской власти, делала царя единственным источником легитимности. Вера в божественность царской власти на протяжении истории проявлялась не только в сочинениях церковных писателей и придворных ритуалах, но и народных восстаниях, легендах, слухах и фольклоре. Вера эта была распространена среди самых различных слоев населения и сохранялась до самого конца монархического периода русской истории. Интересно отметить, что десакрализация царской власти стала одной из причин крушения монархии в 1917 году. Публичные образы репрезентации Николая Второго и Марии Федоровны порой приводили к противоположным результатам, так «простота» Николая Второго, ходившего в гимнастерке и форма сестры-милосердия императрицы, разочаровывала солдат, так как их «простота» и «близость к народу», культивируемая в военное время, не соответствовала их высокому статусу. Сакрализация монарха распространялась на весь период царской и императорской власти и была неотъемлемой частью государственного устройства в Синодальный период. И как показывает анализ современных маргинальных представлений, это представление не исчезло и актуализировалось в современной российской культуре.

Список литературы

1. Аксенов В. «Сказка о царе и мировой войне», или опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914 - 1917 гг.// Acta Slavica Iaponica. Vol.34. 2014. 141 с.
2. Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток, М.: Ладомир, 2007. 302 с.
3. Андреева Л.А., Селунская Н.В., Шушарин Д.В. Сакрализация и десакрализация власти в истории Сакрализация власти в христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. - М.: Изд. Института Африки РАН , 2005. 398 с.
4. Архипова А. Последний царь-избавитель // Политический фольклор в России от Петра I до Горбачева / Под. ред. А.А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013. 286 с.
5. Ахметова М. Пророчество монаха Авеля и концепт «жидовского ига» // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» Ин-т славяноведения РАН. М., 2009. 127 с.
6. Бартенев П., Осмнадцатый век. Т.4, М.: типография Т. Рис, 1869. 540 с.
7. Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-

- политологический аспект, И.Н. Белобородова // *Общественные науки и современность* (2), 2000. 132 с.
8. Бондаренко Д.М., Андреева Л.А., Кортаев А.В., Сакрализация власти в истории цивилизаций, М., 2005. 460 с.
 9. Брокгауз и Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 31, СПб: Семеновская Типолитография, 1895. 576 с.
 10. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / Владимир Вальденберг. Пг.: Тип. А. Бенке, 1916. 368 с.
 11. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче на рубеже XX-XXI вв. : проблема демифологизации сюжета // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2008. №307. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsikl-legend-o-fedore-kuzmiche-na-rubezhe-xx-xxi-vv-problema-demifologizatsii-syuzheta> (дата обращения: 07.05.2017).
 12. Гурьянова Н.С. Монарх и общество // *Старообрядчество в России (XVIII-XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко.* — М.: Языки русской культуры, 1999. 234 с.
 13. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный переаод с англ. Д. Хитровой и К.Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 240с.
 14. Зыгмонт А. И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. М.: РГГУ, 2012. № 11. 145 с.
 15. Ильинский Ф.М. Митрополит Зосима и дьяк Федор Васильевич Курицын // *Богословский вестник*, 1905. Т. III. 652 с.
 16. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии, М.: Издательство института Гайдара, 2005.744с.
 17. Каптерев Н.Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович т. II,

- Сергиев Посад, 1912. 524 с.
18. Кнорре Б.К. «Опричный мистицизм» в религиозных практиках «царебожничества» (Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. Русселе К., Агаджаняна А. М.: Новое издательство, 2006. 400 с.
 19. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
 20. Костомаров Н. И. Герои Смутного времени. — Берлин, 1922. 156 с.
 21. Кострюков А.А. К вопросу о подготовки канонизации царской семьи в Русской Зарубежной Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви, 2013. Вып. 3 (52). 81 с.
 22. Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с.
 23. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Феномен самозванства в истории российского государства // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-samozvanstva-v-istorii-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 07.05.2017).
 24. Молин Ю. А. Анализ версий смерти императрицы Елизаветы Алексеевны. URL: http://www.kirshin.ru/about/arsii/04_04.html (дата обращения 24.04.2017).
 25. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. 206 с.
 26. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
 27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 8. От царствования Бориса Годунова до окончания междуцарствия 356 с.
 28. Старообрядчество в России Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: «Языки русской культуры», 1999. 456 с.
 29. Усенко О. Г. Изучение российского самозванчества: методологические

- проблемы и пути их решения. Нижний Новгород: НГПУ, 2005. Ч. 2. 183 с.
30. Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье. Муром: Муромский ист.-худож. музей, 2006. 129 с.
31. Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России XVII века: новые факты и общая картина. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2005. 284 с.
32. Усенко О.У. Самозванчество норма или патология? // Родина, 1995. No 1. 112 с.; No 2. 134 с.
33. Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, М.: Языки русской культуры, 1996. 610 с.
34. Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. М.: Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина(8), 2002. 115 с.
35. Фирсов С.Л. Святой Павел. К вопросу о канонизации Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Составители Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: «Серебряный век», «Контрфорс», 2000. 830 с.
36. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания, М.: Русская старина (4), 1906. 297 с.
37. Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I, М.: Отечественная история (2), 2000. URL: <http://www.bogoslov.ru/es/library/text/230390/index.html> (дата обращения: 15.04.2017).
38. Цеханская К.В. Вера Молчальница // Православная энциклопедия. Т. 7. 697 с. // Интернет ресурс «Православная энциклопедия», URL: <http://www.pravenc.ru/text/150365.html>. (дата обращения: 01.05.2017).
39. Чистов К.В. Русская народная утопия, СПб: Дмитрий Булавин, 2011. 528 с.

40. Чумакова Т.В. Представления о царской власти в среде современных православных маргиналов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 3. 197 с.
41. Чумакова Т.В. Культ царской власти в современной России и антисемитизм// Религия в меняющемся мире. Сб. статей// Ред. колл.: М.М.Шахнович (отв. редактор), Т.В.Чумакова, М.С.Стецкевич, Е.А.Терюкова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 384 с.
42. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) ,пер. Е.Е.Земскова, М.Б.Лавринович, М.: Новое литературное обозрение, 2007. 760 с.
43. Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. 448 с.
44. Эйдельман Н.Я. Грань веков. СПб., 2002. 386 с.
45. Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. xvii+269.
46. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» //Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (2001). 22 p.

Список источников

1. Бичевская Ж. «Царь Николай», 1999 год URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ouZiYj10zrw> (дата обращения: 13.04.2017).
2. Восстание Емельяна Пугачева: сб. документов / Подгот. к печати М.Мартыновым. Л., 1935. 216 с.
3. Исторические песни. Баллады. Сост., подг. текстов, вступ. статья и примеч. С. Н. Азбелева. М.: Современник, 1986. 285 с.
4. Керсновский А. Воистину наш царь бы великий праведник // Царский вестник. 1938. № 617. 32 с.
5. Кирибевич. Вещий инок. Издательство Свято-Троицкого Ново-

- Голутиного монастыря. М. 1995. 42 с.
6. Лихачев Д.С., Лурье Я.С. Послания Ивана Грозного. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 77 с.
 7. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году. М.: Польза, 1913. 104 с.
 8. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати, сост. Виктор Дерягин, Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
 9. Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1994. 345 с.
 10. Неизвестные Авторы, Собрание от Святаго писания о Антихристе, Lib URL: http://az.lib.ru/n/neizwestnye/text_0210.shtml (дата обращения: 24.04.2017).
 11. Непомнящий Н. Н., Низовский А. Ю. Расстрига или царский сын? // Сто великих тайн. М.: Вече, 1998. 478 с.
 12. Палицын А. Сказание. Изд. Императорской Археографической Комиссии. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. 376 с.
 13. Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. М., 1909. Т.1. №91.
 14. Портал-Credo.Ru: «На "Диомидовский" чин покаяния в подмосковном Тайнинском собралось более 300 человек, многие из которых прибыли из Беларуси» URL: <http://www.portalcredo.ru/site/print.php?act=news&id=76495> (дата обращения: 25.04.2017).
 15. Святой Царь-искупитель Николай Второй URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Sborniki/Tsar_ISKUPITEL_Nikolai_II/Tsar_ISKUPITEL_Nikolai_SBORNIK.html (дата обращения: 27.04.2017).
 16. Тимофеев И. Временник URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Timofeev/frametext1.htm> (дата обращения: 15.04.2017)
 17. Шабельский-Борк П.Н: Два монарха и таинственный старец Федор Кузьмич. М.: «Скит», 1993. 243 с.